

Роберт Мёрфи

Уроки для молодого ЭКОНОМИСТА

Урок 23 (дополнительный)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЗАПРЕТОВ

(Отдельный оттиск)

перевод с английского

Ю. В. Кузнецова

Москва • Челябинск
2019

СОДЕРЖАНИЕ

Урок 23. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЗАПРЕТОВ:	
ПРИМЕР НАРКОТИКОВ.....	1
23.1. Запрет на наркотики.....	1
23.2. Запрет на наркотики способствует коррупции государственных чиновников	3
23.2.1. Важная особенность «преступлений без жертв»	10
23.2.2. Коррупция как причина и как следствие	12
23.3. Запрет на наркотики приводит к росту насилия	13
23.3.1. «Сухой закон» в США	14
23.3.2. Запрет на наркотики повышает предельную выгоду от применения насилия	16
23.3.3. Запрет на наркотики снижает предельные издержки насилия	19
23.3.4. Спираль насилия.....	21
23.3.5. Насилие со стороны потребителей	22
23.4. Запрет на наркотики снижает безопасность продукта	22
Резюме урока.....	25
Новые термины	26
Вопросы для повторения и дальнейшего изучения.....	27

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЗАПРЕТОВ: ПРИМЕР НАРКОТИКОВ

Из этого урока вы узнаете:

- Что такое *запрет на наркотики*.
- Почему запрет на наркотики поощряет коррупцию и организованную преступность.
- Почему запрет на наркотики делает их более опасными для здоровья.

23.1. ЗАПРЕТ НА НАРКОТИКИ

Запрет на наркотики означает, что потребление, и особенно производство и продажа, определенных веществ подвергается суровым наказаниям со стороны государства. Запрет на наркотики качественно отличается от **налогов на пороки** — последние представляют собой очень высокие налоги с продаж и применяются сегодня правительствами штатов и местными властями для того, чтобы отвлечь людей от потребления крепких спиртных напитков и сигарет. При действующем в настоящее время в США режиме запрета на наркотики владение, и особенно коммерческое распространение, таких веществ, как кокаин и героин, является уголовным преступлением, наказываемым не только огромными штрафами, но и длительными тюремными сроками.

Как должно быть ясно из заголовка этого урока, мы собираемся изучить *экономику* запрета на наркотики. С помощью инструментов, освоенных нами в этой книге, мы сможем понять, почему запрет на наркотики приводит к одной и той же, причем хорошо известной совокупности последствий. И наоборот, человек, не знакомый с экономической наукой, не сможет объяснить эти последствия и их повторяемость. Вместо этого результаты запрета на наркотики будут представляться ему случайностью, никак не связанной с проводимой государством политикой.

Необходимо подчеркнуть с самого начала, что экономический анализ *сам по себе* не может быть основанием для суждения о том, является ли запрет на наркотики хорошей или плохой политикой. Ведь когда граждане страны и политические лидеры решают, хорошо это или плохо, когда государство наказывает осужденных продавцов кокаина, например, 25 годами тюремного заключения, они неизбежно руководствуются, помимо прочего, своими ценностными суждениями. Однако чтобы граждане и политические лидеры могли принимать *информированные* решения, им необходимо понимать все последствия запрета на наркотики.

Когда речь идет о незаконных веществах, вопрос *не* стоит так: «В каком обществе было бы лучше жить — в котором есть кокаин или в котором его нет?». Данный вопрос не имеет отношения к делу, так как государство не обладает властью полностью искоренить употребление кокаина. Основной вопрос звучит так: «В каком обществе было бы лучше жить — в таком, где действуют крайне жесткие наказания за употребление кокаина, или в таком, где их нет?» Чтобы представить себе, каким было бы общество в одном и другом случае, важно выяснить, что может нам сообщить экономический анализ о последствиях запрета на наркотики. При этом следует помнить, что существует разница между утверждением, что нечто является *аморальным*, и утверждением, что это «нечто» должно быть *незаконным*. Если кто-то утверждает, что «хождение на сторону от жены»

не должно караться тюремным сроком, то это не значит, что он оправдывает или одобряет супружеские измены.

И последняя оговорка, прежде чем мы перейдем непосредственно к нашему анализу. В оставшейся части урока мы сосредоточимся в основном на отрицательных последствиях запрета на наркотики (то есть на тех, которыми обычно пренебрегают). Это связано с тем, что *положительные* последствия запрета очевидны и наблюдаемы. Многие люди убеждены, что употребление некоторых веществ действует разрушительно на личность и общество, из чего они заключают, что государственная политика, серьезно препятствующая такому поведению, является благотворной — при прочих равных условиях. Приведенный ниже анализ призван показать, что когда государство проводит политику запрета на наркотики, прочие условия *не* остаются равными. Выигрыш от сокращения употребления наркотиков и/или стигматизации (предания позору и общественному осуждению) такого поведения необходимо сопоставить с вредом в виде коррумпирования полиции, криминальных войн и смертности от передозировки — то есть явлений, которые большинство людей, по-видимому, *тоже* считает разрушительными для личности и общества¹.

20.2. ЗАПРЕТ НА НАРКОТИКИ СПОСОБСТВУЕТ КОРРУПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ

Термин **коррупция** в данном контексте означает, что государственные чиновники не исполняют возложенных на них

¹ В этом уроке, как и при анализе других разновидностей государственного вмешательства, нас будут интересовать *прагматические* аргументы, основанные на изучении *последствий* запрета на наркотики. Мы не рассматриваем аргументы (будь то за или против), опирающиеся на тот или иной свод правил морали или на определенные представления о правах собственности и о том, в каких пределах допустимы действия государства. Все эти аргументы и позиции, разумеется, важны, но они выходят за рамки элементарного учебника по основам экономической теории.

законом обязанностей, так как тайком получают плату от людей, занимающихся торговлей наркотиками, с которыми эти чиновники обязаны бороться. Большинство американцев прекрасно осведомлены о всепроникающей коррупции в государственных органах Мексики и Колумбии, но многие из них были бы шокированы, узнав, что существует проблема коррупции в американских судах и полицейских управлениях, пусть даже она и стоит не так остро.

Непосредственное объяснение взаимосвязи между запретом на наркотики и коррупцией заключается в том, что запрет приводит к тому, что производство и распространение наркотиков приносит *гигантские* прибыли, дающие участникам этого бизнеса возможность (и, разумеется, мотив) платить огромные взятки государственным должностным лицам. Простой экономический анализ показывает, почему это происходит.

Обычно государство пытается искоренить наркоторговлю, назначая поставщикам наркотиков гораздо более суровые наказания, нежели потребителям. Такая структура наказаний связана с двумя основными причинами: 1) если целью является сокращение потребления наркотиков, то лучшим использованием ограниченных ресурсов полиции будет вывести из игры одного крупного поставщика, а не многочисленных обслуживаемых им потребителей, которых могут быть тысячи; 2) широкую общественность не беспокоят суровые наказания профессиональным наркодилерам, но она может воспротивиться драконовским мерам против случайных клиентов. Эти два фактора объясняют, почему государства обычно назначают намного более серьезные наказания тем, кто является совершенно очевидным *торговцем* наркотиками, в противоположность тому, кто попался с небольшой дозой запрещенного товара, явно предназначенной для личного потребления.

Кроме более суровых уголовных наказаний поставщикам наркотиков по сравнению с потребителями необходимо принимать во внимание и тот факт, что *вероятность быть арестованным* для профессионального наркоторговца намного выше, чем для человека, от случая к случаю потребляющего

наркотики¹. Ведь профессиональный наркодилер — особенно по мере роста его бизнеса — вынужден иметь дело с многими другими участниками этой сферы деятельности, будь то крупные оптовые поставщики или мелкие розничные торговцы.

Полицейская коррупция — это не только мексиканская проблема

Приведенные ниже выдержки из новостной статьи 2008 года об операции ФБР, проведенной в пригороде Чикаго, иллюстрируют связь между проведением в жизнь (энфорсментом) запрета на наркотики и коррупцией в полиции.

Семнадцать человек, включая пятнадцать полицейских, работающих в пригородах, в ходе федерального расследования получили обвинения в том, что они предоставляли вооруженную охрану в ходе крупных сделок по торговле наркотиками. Сотрудники полиции, по-видимому, полагали, что охраняют богатых наркодилеров. Оказалось, что это были агенты ФБР.

Согласно официальному сообщению Прокуратуры США, во вторник всем 17 лицам в восьми отдельных заявлениях о возбуждении уголовного дела были предъявлены обвинения в преступном сговоре с целью приобретения и распространения нескольких килограммов кокаина и/или героина.

В преступном сговоре были обвинены десять офицеров тюремной охраны, то есть приносящих присягу служащих, работающих в тюрьмах и местах предварительного заключения. ФБР сообщает, что кроме этих десяти офи-

¹ Следует пояснить, что *вероятность быть арестованным* для профессионального наркоторговца была бы намного выше, чем для его отдельного потребителя, *если бы не взятки («плата за защиту»)*, регулярно выплачиваемые полиции. Мы сейчас пытаемся выяснить, каким образом запрет на наркотики меняет исходный рыночный результат, а затем перейдем к оценке масштабов коррупции.

церов в ходе операции были разоблачены четыре сотрудника полиции из Харви* и один полицейский из Чикаго.

«Работавший под прикрытием агент ФБР смог заключить сделки не с одним, не с двумя, а с пятнадцатью жадными до денег сотрудниками правоохранительных органов, которые продавали свой офицерский жетон и помогали наркодилерам проворачивать бизнес», — заявил генеральный прокурор Патрик Фитцджеральд.¹

По словам обвинителей, офицеры получали вознаграждение в размере до 4000 долларов за то, что стояли на стрёме и обеспечивали охрану во время, как они полагали, проведения крупных сделок с наркотиками.

В официальном заявлении сообщается, что семь из восьми обвинений были подкреплены единым 61-страничным affidavitом** ФБР, в котором изложены результаты негласного расследования, касающегося, помимо регулярного предоставления охраны при проведении предполагаемых сделок с наркотиками, еще и таких видов деятельности, как предоставление охраны сотрудниками полиции во время игры в покер с высокими ставками и при перевозке крупных сумм наличными, а также фактическая продажа двумя из них порошкового кокаина.²

13 мая шестиместный двухмоторный самолет приземлился в местном аэропорту Дьюпейдж в западном пригороде Чикаго, где его ожидали три человека. Двое из них... сопровождали третьего, который, как они полагали, осуществлял крупную сделку с наркотиками, но на самом деле был секретным агентом ФБР. Они поднялись на борт самолета, экипаж которого также состоял из двух агентов ФБР, и стали пересчитывать пакеты, упакованные в четыре спортивные сумки и представлявшие собой муляж партии примерно в 80 килограммов кокаина.

В affidavitе сообщается, что после этого [два офицера тюремной охраны округа Кук] вместе с секретным

* Южный пригород Чикаго. — *Прим. перев.*

** Показание или заявление свидетеля, предоставляемое в суд в письменной форме ввиду невозможности или затруднительности его личной явки, даваемое под присягой и удостоверенное нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом. — *Прим. перев.*

агентом забрали сумки из самолета, пронесли их через зал аэропорта на парковку и погрузили в багажник автомобиля агента ФБР. [Офицеры тюремной охраны] последовали на своей машине за агентом на другую парковку, расположенную неподалеку, где тот оставил свой автомобиль и пересел в их машину. Все трое наблюдали, как после этого еще один агент припарковался рядом, забрал сумки и уехал. Затем агент ФБР, изображавший наркоторговца, выплатил офицерам по 4000 долларов — вероятно, это был самый прибыльный день за все время их коррупционной связи с работавшим под прикрытием агентом, которая началась по меньшей мере за год до этого.

Из 17 обвиняемых 10 являются офицерами тюремной охраны округа Кук, четверо — сотрудники полиции в Харви и еще один — полицейский из Чикаго. Предположительно каждый из них получал от 400 до 4000 долларов в ходе одного или более эпизодов, когда они стояли на стрёме и были готовы вмешаться, если на место прибудет настоящая полиция или конкурирующие наркоторговцы, пытающиеся перехватить поставку кокаина или героина.

«В идеале должно быть невозможно найти даже одного коррумпированного офицера полиции, и уж тем более целых пятнадцать, которые были бы готовы использовать свое оружие и жетоны для того чтобы охранять людей, проводящих сделки с наркотиками, вместо того чтобы арестовать их», — заявил федеральный прокурор Патрик Фитцджеральд в официальном сообщении. «И особенно шокирующим стало участие некоторых из них в разгрузке и доставке того, что, по их сведениям, было крупной партией наркотиков, доставленной самолетом».

Источник: CBS 2, “15 Cops Charged in FBI Sting, Drug Dealing Probe,” December 2, 2008

<http://cbs2chicago.com/local/harvey.police.raid.2.877798.html>

Например, делец в сфере наркоторговли может организовать свой бизнес так: он покупает кокаин у колумбийских «оптовиков», нанимает мексиканских водителей грузовиков для контрабандного провоза через границу США, а затем

продает партии полученного наркотика главарям региональных банд наркоторговцев в Калифорнии. Если колумбийским, мексиканским или американским агентствам по борьбе с наркотиками удастся проникнуть в какое-либо из звеньев этой обширной организации, то данный конкретный наркоторговец подвергнется опасности ареста. На протяжении всего своего рабочего дня он постоянно нарушает антинаркотические законы. В противоположность ему рядовой потребитель наркотиков подвергается риску только тогда, когда ему нужно купить очередную порцию продукта, и взаимодействует он при этом с «мелкой рыбешкой» вроде пушера, работающего в его микрорайоне. Вероятность того, что его жизнь пойдет под откос в результате уголовного преследования со стороны государства за вовлеченность в наркоиндустрию, существенно меньше.

Ввиду этого дисбаланса между производителями и потребителями наркотиков по фактическому уровню санкций предложение запрещенных веществ снижается существенно в большей степени, чем спрос (по сравнению с тем, какими они были на первоначально нерегулируемом рынке). Это толкает новую равновесную цену наркотиков вверх, из чего следует, что денежная «надбавка» — разница между денежными расходами на производство продукта и фактическими суммами, уплачиваемыми за него конечными пользователями, — оказывается весьма высокой. Следующий график иллюстрирует состояние воображаемого нерегулируемого рынка кокаина и рынка, функционирующего в условиях запрета.

На рис. 20.1 мы видим, что цена кокаина на нерегулируемом рынке первоначально составляет 1 доллар за грамм. По этой цене производители готовы продать 1 миллион граммов кокаина, и потребители готовы купить такое же количество.

После принятия жестких законов против наркотиков кривые спроса на кокаин и предложения кокаина сдвигаются влево. То есть при любом значении долларовой цены грамма этого вещества производители готовы предложить гораздо меньшее количество, чем раньше (так как теперь они рискуют угодить

за это в тюрьму), и потребители тоже теперь не хотят покупать столько, сколько прежде. Однако этот количественный сдвиг оказывается гораздо большим на стороне предложения, чем на стороне спроса. Поэтому новое равновесие (в условиях запрета) устанавливается при рыночной цене 100 долларов за грамм; производители готовы при этом поставлять 10 тысяч граммов, а потребители готовы купить это количество.

Ключевой момент заключается в том, что денежная *прибыль* будет оставаться высокой даже спустя многие годы после того, как запрет на наркотики вступит в силу. Кривая предложения на рис. 20.1 сдвигается влево из-за *неденежных* рисков, связанных с кокаиновым бизнесом. Поэтому более высокая цена, уплачиваемая потребителями, не будет транслироваться в более высокие цены, уплачиваемые колумбийским фермерам, которые выращивают кокаиновые кусты. Чтобы производителям и поставщикам кокаина имело смысл (с их собственной точки зрения) оставаться в бизнесе, несмотря на угрозу суровых санкций, надбавка обязательно должна оставаться очень высокой.

Было бы неверным утверждать, что в новом состоянии равновесия «карьеру кокаинового дилера становится более привлекательной». Люди выбирают свой род занятий с учетом множества факторов, из которых то, сколько денег они

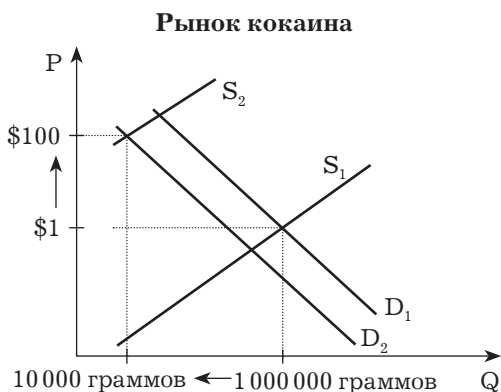

Рис. 20.1

будут зарабатывать в обычной ситуации, — всего лишь один. Более точно было бы сказать, что из-за новых государственных санкций (и, как можно предположить, соответствующей социальной стигматизации) «зарплата» наркоторговцев должна резко вырасти — для того чтобы компенсировать им новые отрицательные стороны их профессии. Этот принцип применим не только к торговле запрещенными веществами — например, шахтеры, работающие в опасных условиях, и таксисты, которых часто грабят, тоже получают в неявной форме **плату за риск**. Разница в том, что для подпольных наркоторговцев этот риск создают не уличные грабители, а государственная правоприменительная система.

20.2.1. ВАЖНАЯ ОСОБЕННОСТЬ «ПРЕСТУПЛЕНИЙ БЕЗ ЖЕРТВ»

Необходимо отметить, что масштабы государственной коррупции, порождаемой запретом на наркотики, намного больше, чем коррупции, связанной с более традиционными преступлениями, такими как убийство или грабеж. На самом деле слова «продажный коп» почти всегда означают полицейского, получающего деньги от наркомафии — никому и в голову не придет, что этими словами могут называть сотрудника полиции, который регулярно получает мзду от наемных убийц, чтобы те могли безнаказанно убивать шесть дней в неделю. Но криминальные банды действительно *регулярно платят* полицейским и другим государственным чиновникам, чтобы проворачивать крупные операции с наркотиками, имея официальную (хотя, разумеется, негласную) «крышу».

Чтобы понять природу этого различия, давайте задумаемся над распространенным выражением, которое часто употребляется применительно к сделкам с наркотиками: «преступление без жертв». Естественно, сторонники законодательства о борьбе с наркотиками отвергнут это словосочетание как вводящий в заблуждение штамп, потому что если, например, из-за пристрастия к наркотикам отец потеряет работу или станет обращаться жестоко со своими

детьми, то последние определенно окажутся жертвами. Тем не менее в *определенном смысле* производство и потребление наркотиков, если рассматривать его на качественном уровне, в меньшей степени порождает жертвы, чем более традиционные виды преступлений, такие как убийство, изнасилование и грабеж. Разница состоит в том, что в случае «преступлений без жертв» — к числу которых в США относят не только сделки с наркотиками, но и такие виды деятельности, как азартные игры и проституцию, — *все стороны сделки участвуют в ней добровольно*. Эта особенность имеет два следствия, которые помогают объяснить взаимосвязь между запретом на наркотики и коррупцией.

Во-первых, имеет место простой факт, что сотрудники полиции, судьи и другие государственные чиновники, глядя сквозь пальцы на тех, кто поставляет желанный продукт потребителям, готовым за него платить, ощущают не такой сильный дискомфорт, как в случае, если бы они пренебрегли своими официальными обязанностями в отношении насильственных преступлений против личности и собственности.

Во-вторых, наркоторговля — это, в конце концов, *бизнес*. Многие миллионы людей в США с готовностью тратят свои деньги на незаконные наркотические вещества, причем делают это регулярно. Согласно результатам опроса, проведенного в 2007 году Управлением национальной политики контроля за наркотиками, 6% совершеннолетних молодых людей сообщили, что употребляли кокаин в течение прошедшего года, а 2% — в течение последнего *месяца*¹. Поэтому в наркобизнесе крутится намного больше денег, чем в таком «бизнесе», как наемные убийства или даже ограбление бан-

¹ См. <http://www.whitehousedrugpolicy.gov/drugfact/cocaine/cocaineff.html#extentofuse>. Что касается марихуаны, то опрос, проведенный в 2006—2007 годах, показал, что более 10% американских респондентов употребляли этот наркотик в течение прошедшего года. См. <http://economix.blogs.nytimes.com/2009/08/11/drug-useacross-the-united-states-or-rhode-island-needs-more-rehab/>

ков. Поскольку наркоторговля является преступлением без жертв в указанном выше важном смысле, ее гораздо легче осуществлять незаметно, чем преступления, где есть прямые жертвы, которые могут вызвать полицию (а на вызов может вдобавок приехать какой-нибудь полицейский, *не получающий* мзду от преступников) или, к примеру, опубликовать свою жалобу в средствах массовой информации.

Мы говорим об этих различиях, чтобы ответить на стандартный аргумент в защиту запрета на наркотики, который звучит примерно так: «Если нам следует легализовать наркотики из-за коррупции, то почему бы тогда не легализовать и убийства?» Как мы показали выше, простор для коррупции, возникающей вследствие запрета на наркотики, намного превосходит тот масштаб, которого она достигает в случае традиционных преступлений, и причины этой разницы коренятся в самой природе преступлений, связанных с наркотиками, которые являются «преступлениями без жертв». Данное различие само по себе не доказывает, что наркотики должны быть легализованы, но оно показывает, что этот запрет порождает проблему, масштабы которой в случае многих других видов преступлений несопоставимо меньше.

20.2.2. Коррупция как причина и как следствие

Большинство граждан ненавидят системную коррупцию в государственном аппарате, потому что она разрушает традиционное уважение к закону и делает людей более склонными к совершению преступлений. Но в случае запрета на наркотики возникает и особая, специфичная динамика раскручивания этого процесса по спирали. Государственная коррупция является одновременно и следствием, и причиной незаконного оборота наркотических веществ.

Контур обратной связи работает следующим образом. Как мы уже убедились, введение запрета на наркотики обычно приводит к повышению цены объявленных вне закона веществ, так как кривая предложения смещается влево

намного дальше, чем кривая спроса. Взлетевшая цена дает предпринимателям возможность зарабатывать миллионы долларов в год и тем самым получать средства на подкуп государственных чиновников, которые могли бы их арестовать. В этом смысле коррупция оказывается следствием незаконного оборота наркотиков.

Однако верно и то, что коррупция является необходимым компонентом незаконного оборота наркотиков и в этом смысле выступает его причиной. При подлинно репрессивных режимах наркоторговля может быть задавлена государством — как это было в период правления «Талибана» в Афганистане. Если наказания достаточно суровы *и неуклонно применяются*, то предложение и спрос могут сократиться до такой степени, что новое равновесное количество, например, произведенного и потребленного кокаина окажется равным *нулю*. Однако на практике такое бывает редко, потому что когда государственным служащим в обмен на уклонение от исполнения ими своих обязанностей могут предложить буквально сотни тысяч долларов в год, государство *само* оказывается не в состоянии их контролировать.

Широко распространенная коррупция позволяет преступникам, занятым наркоторговлей, избегать официально предписанных законами суровых наказаний, и таким образом кривая предложения незаконных наркотических веществ сдвигается влево не так сильно, как в случае отсутствия коррупции. Короче говоря, в условиях запрета на наркотики в относительно свободных обществах кривая предложения сдвигается влево до тех пор, пока новая равновесная цена не станет достаточно высокой, чтобы оставшиеся на рынке производители смогли взять к себе на жалование чиновников, полицейских и судей, ответственных за борьбу с ними.

20.3. ЗАПРЕТ НА НАРКОТИКИ ПРИВОДИТ К РОСТУ НАСИЛИЯ

Все знают, что незаконная наркоторговля связана с крайней степенью насилия, часто принимающего форму гангстерских

войн. Что еще хуже, в результате схваток за сферы влияния между соперничающими бандами наркодилеров нередко гибнут случайные, ни в чем не повинные люди. Поверхностный наблюдатель может сделать из этого вывод, что такие наркотики, как кокаин и героин, — сами по себе зло и идут рука об руку с насилием. Однако и экономическая теория, и американская история однозначно демонстрируют, что насилие порождает не наркотики как таковые, а *запрет* на них.

20.3.1. «Сухой закон» в США

Достаточно ясным свидетельством служат исторические факты, относящиеся к «сухому закону» в США. С 1920 по 1933 год, в условиях действия Восемнадцатой поправки к Конституции США¹, продажа, производство и транспортировка алкогольных напитков (для потребления) были незаконны. Однако, несмотря на официальный запрет, **бутлегеры** продолжали производить и продавать алкоголь, а его потребители собирались в **подпольных барах**.

«Сухой закон» не привел к искоренению употребления спиртного, зато он поставил алкогольную индустрию под контроль организованной преступности. В период «сухого закона» (который часто называли «благородным экспериментом») гангстеры вроде действовавшего в Чикаго Аль Капоне получали значительные доходы от нелегальной торговли алкоголем и использовали эти деньги для подкупа государственных чиновников, а также на наем «бойцов» и прочих подручных в свои преступные организации.

Для наших целей важно подчеркнуть следующую особенность «сухого закона»: торговля спиртным может быть точно так же связана с насилием, как торговля героином и кокаином сегодня. Например, печальную известность получила Бойня в день св. Валентина — гангстерская разборка, когда Аль

¹ Восемнадцатая поправка была принята в 1919 году, но «сухой закон» вступил в силу лишь в 1920 году.

Капоне организовал убийство семерых членов соперничающей группировки Багза Морана. Историки приводят разные причины этой кровавой расправы, но все сходятся на том, что вражда Капоне и Морана по крайней мере частично была связана с соперничеством на бутлегерском рынке.

Если вы когда-нибудь смотрели фильмы или читали документальные свидетельства о гангстерах времен «сухого закона», то эти исторические события хорошо вам знакомы и не вызовут недоумения. Но ведь тот факт, что соперничающие предприниматели пытаются убить друг друга из-за *алкоголя*, на первый взгляд должен выглядеть абсолютно шокирующим. Можете ли вы представить себе, что завтра вы включаете телевизор и узнаете, что продавцы пива «Будвайзер» наняли убийц для расправы над продавцами пива «Хайнекен»? Это совершенно немыслимо.

Рынок спиртных напитков больше не контролируется организованной преступностью, на нем работают вполне легальные и законопослушные бизнесмены. Сегодня алкоголь разрешен законом, его производители пытаются завоевать долю рынка путем повышения качества или снижения цены своей продукции. Им даже в голову не приходит прибегнуть к насилию, чтобы расширить круг своих потребителей.

А какие сферы сейчас фактически контролируются преступными организациями? Это наркотики, такие как кокаин и героин, проституция, азартные игры и **«акульи займы»**¹. Иными словами, это те области деятельности, которые по-прежнему либо находятся под запретом, либо жестко регулируются государством (в отличие от алкоголя после отмены «сухого закона»).

Исторический эпизод «сухого закона» служит очень убедительным свидетельством того, что насилие, которое

¹ «Ростовщик-акула» — это тот, кто дает деньги в займы на короткий срок под очень высокие проценты (возможно, в нарушение **законов о ростовщичестве**) и нередко прибегает к физическому насилию для обеспечения возврата долга (то есть занимается «выбиванием долгов»).

мы сегодня ассоциируем с наркотиками, является следствием государственного запрета, а не проистекает из природы запрещенных продуктов как таковых. В оставшейся части этого раздела мы объясним эту несомненную взаимосвязь, используя экономические рассуждения.

20.3.2. ЗАПРЕТ НА НАРКОТИКИ ПОВЫШАЕТ ПРЕДЕЛЬНУЮ ВЫГОДУ ОТ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ

Как мы уже видели, запрет повышает денежные доходы наркоторговцев. Помимо других последствий этот рост цены ведет к тому, что увеличение продаж и контролируемой доли розничного рынка приносит гораздо большую выгоду.

В условиях нормального, легального рынка конкуренция подталкивает цену вниз до тех пор, пока денежная доходность не станет сравнимой с той, которую можно получить в других проектах. Поскольку обычно «наценка», то есть разница между затратами на производство и розничной ценой, сравнительно мала, для владельцев большинства легальных бизнесов «умыкание» или «перетаскивание» нескольких потребителей у конкурентов не приводит к существенному увеличению денежной прибыли.

Напротив, если продавцу кокаина удастся добавить к своей клиентской базе нескольких регулярных потребителей, то его денежные доходы сразу увеличиваются на большую величину. Это связано с тем, что **затраты** в его бизнесе в основном являются **постоянными**, то есть независимо от того, продает ли он 10 или 100 граммов кокаина в день, они остаются теми же самыми. И заметьте, что эта характерная особенность еще больше усиливается благодаря самому запрету, так как в условиях незаконности продажи кокаина основные «издержки производства» оказываются психическими, то есть представляют собой риск попасть в тюрьму или быть убитым соперничающим наркоторговцем.

Поскольку из-за запрета на наркотики каждый отдельный потребитель становится источником гораздо более высо-

ких доходов, этот запрет увеличивает предельную выгоду от более широкого применения насилия для запугивания или фактического убийства конкурентов*. В этом состоит одно из главных объяснений того, почему в запрещенных сферах деятельности начинает процветать насилие, в то время как бизнесмены, действующие легально, почти никогда не прибегают к насилию как к методу конкуренции.

Авторы, пишущие об экономике запрета на наркотики, часто приводят следующее рассуждение: производители, работающие в запрещенных сферах производства, не могут полагаться на защиту полиции и на государственный энфорсмент контрактов, а поэтому вынуждены для защиты своих товаров прибегать к частному насилию. Такого рода объяснения нередко представляют наркотическую отрасль как страдающую от «игнорирования государством», и в эту анархическую пустоту якобы устремляются гангстеры.

Такое объяснение верно с точностью до наоборот. В повседневной жизни существует огромное количество коммерческих отношений, не защищенных государственными судами. С помощью eBay, Amazon и других механизмов американцы тратят миллиарды долларов в год на покупку предметов, нередко весьма дорогих, у совершенно незнакомых людей, порой находящихся на другом конце страны. В принципе можно, конечно, в случае мошенничества подать в суд, но на практике такого рода сделки по большей части производятся в режиме «саморегулирования», обеспечиваемого частными хозяевами торговых площадок и нередко основанного на разработанных ими, порой весьма детально продуманных системах оценки репутации¹.

* То есть каждое успешное применение насилия, приводящее к расширению клиентской базы за счет конкурентов, приносит намного большую выгоду, чем это было бы в случае отсутствия запрета. — *Прим. перев.*

¹ Более того, если бы наркоторговцы могли осуществлять крупные сделки с использованием электронных платежей, проводимых с помощью пользующейся всеобщим доверием третьей стороны,

Считать запрещенные сферы деятельности страдающими от недостаточного внимания со стороны полиции и судов — значит переверачивать все с ног на голову. Наоборот, именно запрещенные сферы деятельности получают *львиную долю* внимания от государства! Утверждение, что полиция игнорирует наркоторговцев, просто-напросто неверно, даже если речь идет о гетто*. *Если бы* оно было истинным, то рыночная цена наркотиков в таких районах упала бы почти до уровня денежных затрат на производство, и занятие наркобизнесом было бы для подростков не более привлекательным, чем работа разносчика газет**. В некоторых кварталах, где процветает наркоторговля, полицию действительно не воспринимают как благожелательных слуг народа, но она определенно занимается там энфорсментом антинаркотиче-

то количество сделок с наркотиками, окончившихся бандитскими разборками, резко упало бы. Вместо того чтобы глухой ночью привозить портфели с наличными деньгами на крытые парковки в сопровождении до зубов вооруженных охранников, розничный продавец кокаина мог бы просто положить миллион долларов на счет в уважаемой финансовой организации, которая согласилась бы, как только он получит свой товар, перечислить деньги колумбийскому оптовику. (Если бы колумбийцы захотели иметь гарантию, что *их самих* не надуют, то этот процесс можно было бы организовать в несколько шагов.) Причина, по которой наркоторговцы не организуют это сейчас таким образом, состоит *не* в том, что банк может украсть деньги, а они не смогут обратиться в полицию. Если такое случится хоть один раз, то никто больше не будет пользоваться услугами такого банка — даже те, кто никак не связан с наркоторговлей. На самом деле они не пользуются вышеописанным простым механизмом из-за риска, что *государство* конфискует их деньги на том основании, что они получены от наркоторговли. Так что, как мы можем убедиться, вовсе не «игнорирование со стороны государства», а именно государственный энфорсмент антинаркотических законов делает насилие более привлекательным в сфере наркоторговли.

* Гетто (inner city) — район в центре большого города, где живет бедное и социально неблагополучное население. — *Прим. перев.*

** Игра слов: «разносчик газет» (paper boy), помимо прочего, на сленге означает «продавец героина». — *Прим. перев.*

ских законов, хотя бы время от времени — и именно поэтому рыночная цена остается высокой, предоставляя наркодилерам возможность покупать шикарные машины и дорогие украшения.

Конечно, когда в среде наркоторговцев *уже* доминируют жестокие и готовые прибегнуть к насилию люди, тому, у кого хватит безрассудства влезть в эту сферу деятельности и попытаться заработать большие деньги, *тоже* необходимо вооружиться до зубов и заработать репутацию безжалостного человека, так как он не сможет прибегнуть к защите полиции. Но, опять-таки, само по себе это наблюдение относится лишь к следствию. Оно не объясняет, почему наркоиндустрия с самого начала *вся пронизана насилем*. Обычный владелец химчистки не боится, что его конкурент, работающий на другом конце города, придет и обстреляет его приемный пункт из пулемета, и его уверенность основывается *не только* на том, что в случае такого нападения он сможет потом вызвать государственных сыщиков, которые найдут и накажут тех, кто стрелял.

Нет, реальная причина, по которой владельцы химчисток не используют насилие в конкурентной борьбе, заключается в том, что *оно того не стоит*. Напротив, запрет на наркотики ведет к тому, что для поставщиков кокаина убивать друг друга — это «игра, которая стоит свеч».

20.3.3. ЗАПРЕТ НА НАРКОТИКИ СНИЖАЕТ ПРЕДЕЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ НАСИЛИЯ

Другой аспект взаимосвязи между насилием и запретом на наркотики заключается в том, что запрет снижает издержки каждого дополнительного акта насилия. Судите сами: причина того, почему крупный дистрибьютор пива «Будвайзер» не нанимает убийц для устранения конкурента, продающего пиво «Хайнекен», отчасти состоит в том, что такой шаг полностью изменил бы его собственную жизнь. Будучи законопослушным бизнесменом, он может возвращаться в респек-

табельных кругах общества, и если он при этом исправно платит налоги, то для него не существует угрозы провести остаток жизни в тюрьме. В его положении совершить такое ужасное преступление — нанять кого-то за деньги для убийства другого человека — было бы невероятно рискованным делом.

В противоположность этому глава сети распространения кокаина *уже* совершил преступлений более чем достаточно, чтобы его можно было заключить в тюрьму пожизненно, если он потеряет расположение полицейских, которым платит мзду, или если им займутся более высокопоставленные государственные чиновники, которых он не сможет подкупить. Поскольку такой человек неизбежно общается с другими людьми, регулярно нарушающими закон, ему не нужно беспокоиться о том, что насильственные действия разрушат его репутацию в уважаемых кругах общества, — он закрыл для себя эту возможность в тот момент, когда решил стать крупным наркоторговцем.

Еще один важный фактор — это то, что подпольному наркоторговцу необходимо наладить систему взаимоотношений с преступным миром, что позволит ему рекрутировать «бойцов» и находить профессиональных убийц для расправы с конкурентами. Напротив, законопослушный бизнесмен, скорее всего, не будет иметь ни малейшего представления о том, как организовать убийство кого-нибудь так, чтобы не быть схваченным; ведь это не решается простым набиранием в поисковой строке Google слов «наемный убийца» и звонком по номеру, который выветится в первой строчке результатов поиска.

Наконец, сама природа черного рынка существенно облегчает практическое применение насилия. Если бы кокаин и другие наркотики можно было продавать легально, то розничные магазины могли бы спокойно работать даже в самых неблагополучных кварталах, используя такие меры безопасности, как пуленепробиваемые стекла, отделяющие сотрудников магазина от покупателей. В противоположность

этому в условиях запрета на наркотики «сотрудники» организаций, занимающихся наркоторговлей, работают на улице, что снижает издержки конкурентов на их устранение.

20.3.4. СПИРАЛЬ НАСИЛИЯ

Как и в случае коррупции, в наркоторговле в условиях запрета возникает динамика с контуром обратной связи, когда насилие порождает насилие. При нашем обсуждении изменения структуры выгод и издержек применения насилия могло создаться впечатление, что и в условиях запрета, и при его отсутствии продажей наркотиков занимались бы *одни и те же люди*, и что именно изменение государственной политики превращает кротких бизнесменов-менеджеров в безжалостных преступных боссов.

Очевидно, что в реальности все происходит не так. На практике введение запрета на торговлю наркотиками изгоняет из этой отрасли честных и не склонных к насилию людей. По мере того как все больше и больше их уходит с рынка, предложение веществ, ставших незаконными, сокращается, а цены растут. И это создает возможности для входа на рынок новых предпринимателей. И это не обязательно лучшие бизнесмены в обычном смысле слова: скорее всего, они не смогли бы конкурировать на нормальном рынке и выбиться там в число сильнейших. Что у них хорошо получается — так это хитростью и силой вытеснять конкурентов, а также подкупать государственных чиновников. В области производства и продажи запрещенных наркотиков эти навыки совершенно необходимы. Люди, которые на другом поприще вообще не смогли бы найти себе работу или занятие, вдруг получают возможность применить свои «таланты» и заработать миллионы долларов.

Поскольку торговля запрещенными наркотиками притягивает людей, склонных к насилию, озабоченных лишь быстрой наживой и не задумывающихся над долгосрочными последствиями, не стоит удивляться тому, что по про-

шествии многих лет этот запрет возвращает субкультуру гангстерских войн.

20.3.5. НАСИЛИЕ СО СТОРОНЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

До сих пор мы говорили только о связанном с наркоторговлей насилии, к которому прибегают производители и поставщики. Но следует отметить, что из-за запрета возникает тенденция к увеличению насилия и со стороны потребителей по причине огромного роста цен. Когда есть наркозависимые люди, готовые буквально на все ради получения очередной дозы, гражданам следует дважды подумать, прежде чем поддержать государственную политику, делающую кокаин чуть ли не в 1000 раз дороже, чем он был бы без нее.

20.4. ЗАПРЕТ НА НАРКОТИКИ СНИЖАЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОДУКТА

Еще одно непреднамеренное последствие запрета наркотических и тому подобных веществ состоит в увеличении случаев смерти и причинения вреда здоровью из-за содержащихся в продукте примесей и из-за ошибок потребителей. Например, в 1920 году — когда в США вступил в силу «сухой закон» — количество смертельных случаев от отравления алкоголем составило 1064. Через пять лет этот показатель достиг 4154. Узнав об этом результате, американский актер Уилл Роджерс саркастически заметил: «Раньше государство убивало только пулями. Теперь оно делает это квартами*»¹.

* Единица объема в 1/4 галлона (0,9463 литра) и бутылка соответствующей емкости. — *Прим. перев.*

¹ Статистику смертности и процитированное высказывание Уилла Роджерса см. в: Mark Thornton, "Alcohol Prohibition Was a Failure," *Cato Institute Policy Analysis* No. 157, July 17, 1991, <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa157.pdf>

Эта закономерность имеет очевидное экономическое объяснение. В условиях запрета изготовлением продукта занимаются не очень профессиональные люди, зачастую у себя дома (в зависимости от конкретного вещества). Это затрудняет контроль качества и приводит к снижению чистоты продукта. Еще одна проблема связана с тем, что запрещенные наркотики обычно перевозятся в немаркированной упаковке. Здесь нет ничего подобного пузырькам с надписью «Панадол», гарантирующей безопасность содержимого, и с ясной инструкцией по поводу надлежащей дозировки. Поскольку на этом рынке очень трудно добиться узнаваемости бренда, нелегальные производители действительно безопасного наркотика не могут занять столь значительную часть рынка, как могли бы при отсутствии запрета. Поэтому потребители вынуждены полагаться на случай и надеяться, что то, что они купили, не окажется для них смертельным.

Еще один фактор, объясняющий рост случаев передозировки, состоит в том, что потребители запрещенных наркотиков склонны искать более сильнодействующие формы для получения очередной дозы. Во времена «сухого закона» чтобы минимизировать число незаконных покупок и облегчить сокрытие алкоголя, любитель выпить мог перейти с пива на виски. Тот же самый эффект действует и на стороне производителя, причем, возможно, даже еще сильнее. Например, человек, выращивающий марихуану у себя в чулане, имеет в своем распоряжении очень небольшое пространство. Поэтому он будет по возможности высаживать сорта, обладающие наибольшим содержанием действующего вещества и поэтому наибольшей рыночной ценой за единицу веса. Точно так же если государство запретит, например, продажу и потребление креветок, то соотношение «королевских» и обычных креветок на черном рынке, вероятно, сместится в сторону первых по сравнению с тем, каким оно было на легальном рынке, когда розничные торговцы могли хранить креветки в больших холодильниках.

Непреднамеренные последствия «сухого закона»

Ирвинг Фишер был известным экономистом из Чикагского университета и пламенным сторонником «сухого закона». Тем не менее он сообщал: «Я получил информацию из авторитетных источников, что, по самым консервативным оценкам, отравляющее воздействие нелегальных спиртных напитков в десять раз больше по сравнению с медицинскими растворами спирта; иными словами, чтобы достичь определенной степени опьянения, требуется в десять раз меньше нелегального напитка, чем тех видов спиртного, которые продавались до введения «сухого закона». Причина, разумеется, в том, что нелегальные спиртные напитки очень концентрированные и почти всегда содержат более смертоносные яды, чем простой этиловый спирт».

Ирвинг Фишер

(Цит. по: *Mark Thornton. Alcohol Prohibition Was a Failure // Cato Institute Policy Analysis. No. 157. July 17. 1991*)

РЕЗЮМЕ УРОКА

- Существует важное различие между аморальными и незаконными видами деятельности. Позиция, сочетающая поддержку легализации запрещенных наркотиков с личным неприятием их употребления, является логически непротиворечивой. (Точно так же можно считать, что супружеская неверность не должна караться тюремным заключением, и в то же время не одобрять супружеские измены.)
- Запрет на наркотики приводит к повышению их цены и, как результат, к огромным денежным (бухгалтерским) прибылям. Из-за того, что торговля запрещенными наркотиками приносит столь высокие доходы, а также из-за того, что она является «преступлением без жертв», запрет на наркотики порождает полицейскую коррупцию.
- Запрет на наркотики увеличивает предельную выгоду и снижает предельные издержки применения наркоторговцами насилия против конкурентов. Кроме того, стимулы, порождаемые запретом, побуждают производителей и потребителей переходить на более «тяжелые» наркотики, что ведет к более частым случаям передозировки и причинения вреда здоровью.

НОВЫЕ ТЕРМИНЫ

Запрет на наркотики: система суровых наказаний, которыми государство карает потребление, и особенно производство и продажу, определенных наркотических веществ.

Налоги на пороки: высокие налоги с продаж, которыми облагаются такие товары, как сигареты и спиртное. Они вводятся не только для того, чтобы получать доходы в бюджет, но и чтобы побудить людей сократить покупки этих сомнительных предметов потребления.

Коррупция: в контексте наркоторговли — невыполнение полицейскими и другими государственными чиновниками своих обязанностей из-за того, что либо они получают взятку от наркоторговцев, либо сами участвуют в контрабанде запрещенных веществ. В некоторых случаях сотрудники американской полиции просто грабят наркоторговцев — отнимают у них деньги под дулом пистолета, зная, что тем некуда обратиться за защитой.

Плата за риск: более высокий уровень заработка, необходимый для того, чтобы привлечь работников в отрасль, связанную с большей опасностью, чем другие.

«Акульки» займы: практика выдачи денег в кредит под высокий процент и использования незаконных методов для возврата долгов.

Законы о ростовщичестве: законодательное установление максимальных процентных ставок.

Постоянные затраты: денежные расходы, которые не увеличиваются при росте объемов выпуска. Например, для парикмахерской ежемесячный счет за аренду помещения будет одинаковым независимо от того, будет ли она обслуживать одного или сто человек в день, поэтому он представляет собой постоянные затраты.

Вопросы для повторения и дальнейшего изучения

1. Какова роль экономической науки в анализе запрета на наркотики?
2. В каком смысле продавцы кокаина получают плату за риск в условиях запрета на наркотики?
- *3. Как связаны друг с другом коррупция и «преступления без жертв», такие как продажа кокаина?
4. Каким образом запрет на наркотики увеличивает предельную выгоду, получаемую наркоторговцами от применения насилия?
5. Как запрет на наркотики может приводить к росту числа случаев передозировки?